

Новая книга об инках

О.А.Корнилов. Runa simi — язык инков. Экспериментальное учебное пособие по языку и культуре кечуа. М., МГУ при участии ООО «ЧеРо», 2009, 268 с.

Данный очерк посвящен краткому анализу первой в России книги о языке кечуа и описанию состояния его изученности, т.е. таким дискуссионным вопросам, как диалекты/языки кечуа, словарный состав, включая заимствования из испанского языка, отражение в языке ментальности кечуа. Соглашаясь со многими положениями автора, необходимо отметить дискуссионность ряда его трактовок, что неизбежно на современном уровне изученности кечуа.

Ключевые слова: инки, язык кечуа, диалекты, грамматика, словарь, фольклор, картина мира.

Книга кандидата филологических наук, доктора культурологических наук, профессора МГУ О.А.Корнилова является первым исследованием языка кечуа, созданным в России. Она состоит из вступления и четырех глав, последняя из которых, самая короткая и дополненная фотографиями, сделанными автором, носит характер заключения.

Это никоим образом не учебник в привычном смысле слова. Это — общий очерк, сделанный по отобранным автором рубрикам с привязкой к культурным особенностям и реалиям Андского региона, или, как определяет жанр книги сам автор, — экспериментальное лингвострановедческое учебное пособие (с. 6). Изначально оно было предназначено для сравнительного исследования культур, тем более, что в России язык кечуа практически неизвестен, в отличие от, скажем, европейских и восточных языков.

Книга — результат двух экспедиций автора в Анды, в чем ее несомненная ценность, поскольку, увы, подавляющее большинство пишущих даже сегодня об этом регионе (и тем более в прежние времена) никогда там не были, а если и

были, то соответствующей подготовкой (особенно антропологической, лингвистической и т.п.), судя по их работам, не обладали. Это касается в первую очередь журналистов, «экстремальных туристов» и разного рода искателей приключений в Америке. Известные же советские и российские специалисты, занимавшиеся Перу, (В.А.Кузьмищев, С.Я.Серов и др.) не имели специальной языковой подготовки, а Ю.А.Зубрицкий, сотрудник ИЛА, единственный кечуанист в СССР, изучал кечуа самостоятельно и занимался переводами (практически все, что вышло до сих пор в переводе с кечуа, было сделано им), и опять же лингвистом не был, и ни о каком целенаправленном изучении кечуа и других индейских языков в России никогда речи не шло. И до сих пор это остается делом немногих энтузиастов, но, как правило (как и прежде), в чисто практических, прикладных целях. Никто не говорит, что это «прикладное» направление плохо, но в итоге за весь советский период, например, когда издавались учебники и руководства по многим языкам, нередко весьма экзотическим, так и не поя-

вилось ни одного учебника или описания языка кечуа, несмотря на то, что он признавался крупнейшим по числу носителей в Андах, а интерес к этому региону в СССР был весьма значительным. Поэтому, безусловно, наиболее ценно в данной книге именно то, что автор впервые в практике изучения языка кечуа российскими специалистами работал непосредственно «в поле», т.е. изучал язык не только в архивах, но и в общении с его носителями. В итоге в книге впервые на русском языке дан не только общий очерк языка кечуа (хотя, по признанию самого автора, далеко не полный), но также приведен обширный и разнообразный лингвистический материал, включая тематический словарь, оригиналы и переводы разнообразных текстов (притч, стихотворений и т.д.), составляющий большую часть данной работы (главы 2 и 3).

Ценность этой книги еще и в том, что в условиях отмеченной самим автором вопиюще плохой изученности индейских языков вообще и кечуа в частности (особенно в том, что касается их происхождения, причем это характерно и для мировой науки вообще) (с. 37), любая работа, содержащая свежий полевой материал, уже значима. Характерный пример — вопрос о диалектном членении кечуа. С предлагаемой автором схемой деления кечуа всего на три диалекта можно и соглашаться, и спорить, поскольку она не единственная. Так, Корнилов говорит об иных мнениях некоторых лингвистов (в первую очередь, судя по тексту, подразумевается перуанский кечуанист А.Тореро). По мнению же А.Тореро, в кечуа семь «супралектов», понимаемых внутри себя, но не за их пределами. По другим классификациям существуют четыре-пять диалектов. И мы рискуем не согласиться с автором относительно того, что все говорящие на кечуа легко могут понять друг друга, поскольку есть полевые материалы, свидетельствующие об обратном. Полагаю, ведущий сегодня знаток кечуа, перуанский лингвист, профессор университета Сан Маркос в Лиме Р.Серрон-Паломино весьма уди-

вился, если бы узнал, что его родной язык района Хунин-Уанка спокойно понимают в районе Куско-Колья (кечуа I и кечуа II по классификации Тореро). Автор также явно находится под определенным влиянием понятий испанских грамматистов XVI в., полагавших, что именно столичный диалект — самый правильный, и потому основным вариантом современного кечуа следует считать кусканский, а также диалекты соседних районов (Аякучо и др.) (с. 38). Между тем, сегодня есть уже много работ, показавших, что кусканский кечуа сильнейшим образом аймаризован и вообще утвердился в этой зоне довольно поздно, а наиболее «правильным» кечуа следовало бы считать как раз тот, который зафиксирован в материалах миссионеров Д. де Санто Томаса и Ф. де Авилы, т.е. кечуа Центрального Перу, окрестностей г. Лимы, так называемый «кечуа-чинчай» (ставший у инков «ленгуа хенераль») районов, близких к тем, где была гипотетически (по А.Тореро) расположена и сама зона прародины этого языка. Что касается кечуа I, распространенного в зоне Хунин-Уанка, то уже давно известный специалист по Перу Т.Зуйдема заподозрил (а сейчас многие лингвисты Перу

это признают), что это — более ранний (по сравнению с кечуа II) вариант языка, возможно, оставшийся там со времен империи Уари (VI—IX вв.), а его, кстати, по материалам А.Тореро, не понимают носители кечуа II. (с. 38—39). Дополнительным подтверждением подробности кечуа может послужить такой пример: при изучении его иностранцами для них весьма реален вопрос, что именно учить? Известные ученые США, занимающиеся Андами, различают «колониальный кечуа», «южный кечуа», «центральный кечуа» и т.п., а поскольку речь идет о людях, изучавших язык на практике и с ним работающих, надо полагать, что они знают, о чем говорят. Просто для сравнения: означает ли утверждение «он знает мордовский», что он знает и мокша, и эрзя или только какой-то один из них? То же самое можно было бы спросить в отношении, например, немецкого, в зависимости от того, имеется в виду верхненемецкий или нижненемецкий язык.

Мы полностью согласны с автором по поводу скептического отношения к существованию у инков письменности: пока все данные показывают, что ее действительно не было. Хотя, на наш взгляд, отношение к кипу* как к громоздкой системе (с. 41) также не оправданы: все исследования последних лет (к которым посылку приложил руку и автор данной рецензии) показывают, что это была очень эффективная и гибкая система. Другое дело, что мы ее плохо знаем, но временами своей похожестью на перфокарту она так напоминает современную компьютерную, что заставляет заподозрить ее изобретателей в супергениальности. Эта система позволяла не только фиксировать любую нужную информацию, но, что еще важнее, обеспечивала доступ к ней только ограниченному кругу лиц, прошедших специальное обучение. Монополия

* Так называемое «узелковое письмо» — особый набор шнуров различных цветов с узлами, расположенными в определенном порядке.

на информацию — великая вещь: все древние восточные государства, например, отличались именно тем, что лишь немногие имели доступ к знанию письма, чему надо было долго учиться (с. 40—42). При наличии кипу письменность в тех условиях была, видимо, просто не нужна.

Автор справедливо отмечает, что имеющиеся сегодня данные о количестве говорящих на кечуа весьма относительны. Об этом сообщают практически все, кто пытался этот вопрос выяснить. Причина заключается прежде всего в несовершенстве статистики. Причем, в некоторых случаях, при общей, увы, тенденции к сокращению количества знающих кечуа, иногда бывает и наоборот, как в Боливии, где владения индейскими языками стали требовать от чиновников и служащих. Но как раз факты, приведенные автором относительно побудительных мотивов изучения индейских языков в стране, где индейцы составляют большинство населения, прекрасно показывают: языки учат вовсе не потому, что они — часть национальной культуры, а лишь потому, что их знание помогает получить работу. Добавим, что это не только не ставит их в реально равное положение с испанским, но и не способствует росту их престижа среди населения. И тем не менее такая государственная политика может способствовать сохранению и развитию индейских языков (с. 32).

Необходимо отметить, что автор употребляет термин «инки» в широком смысле, имея в виду кечуаговорящее население, что встречается в литературе довольно часто. Если и можно поспорить в отношении выражения «рунасами — язык инков», то лишь на том простом основании, что, как показывают современные исследования лингвистов, исконным языком инков кечуа не был, но стал языком их империи, а в этом смысле и языком самих инков (что, надо заметить, довольно странно при том небольшом периоде ее существования, который государству инков отводят историки). Известно, что к приходу испанцев инки перешли на кечуа практиче-

ски полностью. Хотя вряд ли на этом основании стоит смешивать инков с кечуа. Тем более, что многие приводимые, например, в качестве «золотых слов инков» выражения и притчи на самом деле по своей лексике восходят явно не к инкскому, а к колониальному времени. И, как, на наш взгляд, достаточно убедительно продемонстрировал и сам автор, даже самая что ни на есть (как традиционно считалось) «инкская» фраза-императив «не воруй, не ленись, не лги» скорее всего — тоже колониальная по происхождению. В таких коротких выражениях, подобранных автором, ясно видно отмеченное им в примечаниях значительное воздействие испанского языка уже и на уровне бытовой лексики. Меня в свое время тоже очень удивило, например, что в аякучанском кечуа укоренилось испанское «темпрано» в значении «рано утром», хотя и звучит как «тимпрану». Получается, что у индейцев своего слова для обозначения этого понятия при инках не было... (впрочем, к понятию времени, как и многим другим, они относились по-другому, и даже современные полевые материалы это показывают: из испанского заимствуются именно те понятия, которым нет точного соответствия в кечуа; так кечуа приняли еще во времена колонии испанское *Dios* — Бог).

Но в книге представлен именно современный разговорный и письменный (поэзия) язык, в котором действительно многое заимствовано из испанского, и, как показывают полевые материалы других исследователей, нравится нам это или нет, является именно современным живым кечуа. В андских странах есть свои пуристы, но их усилия, как доказывает практика, скорее способствуют искоренению кечуа, чем наоборот. Например, известно, что радиостанции, вещающие на «чистом» кечуа, лишь удивляют современных крестьян своим языком, для них не очень понятным и странным. Проводимые в Перу в целях привлечения туристов «инкские праздники», в ходе которых тексты произносятся на якобы исконном кечуа, вызывают у окрестных жителей, посещаю-

щих эти праздники, ощущение, что актеры вещают на английском (!).

Автор совершенно справедливо обращает внимание на условность для изучаемого региона некоторых, казалось бы, устоявшихся понятий. Так, мы действительно только с большой долей условности можем говорить о таком жанре устного фольклора, как пословицы в применении к индейцам Анд (многие лингвисты считают, что у индейцев как таковых пословиц вообще нет и никогда не было, что связано с особенностями мифологического мышления). Автор пишет, что практически никто из опрошенных им студентов в Ла-Пасе не мог привести ни одной пословицы, и это, скорее всего, лишь потому, что данный жанр словесности им просто неизвестен.

Общий грамматический очерк языка кечуа (глава 2, с. 31—147) построен автором в полном соответствии с уже хорошо зарекомендовавшими себя грамматиками (такими, как грамматика кечуа С.Guardia Mayorga и др.), что хорошо соответствует поставленной задаче — дать именно общее представление о языке. К сожалению, автор при этом совершенно обошел вопрос об интонации, которая, согласно материалу одного известного мне учебника, своеобразна в силу уже хотя бы того, что наличие соответствующих постфиксов, например, в вопросительных предложениях, делает ненужным повышение тона, привычное, скажем, для европейских языков. А это не может не порождать дополнительных сложностей для иноязычного учащегося в понимании носителей языка. Ведь роль интонации может оказаться весьма значительной.

Можно, конечно, поспорить с терминологией, употребляемой автором в некоторых случаях, ибо она иногда отличается от той, которая уже устоялась в русском языке. Так, например, вместо формы «андская» (философия и т.д.) постоянно употребляется «андийская» (с. 9). Однако эта последняя форма уже давно применялась советскими лингвистами и этнографами в отношении

определенной группы кавказских народов Дагестана.

Также несколько странно, что, рассуждая (гл. 1) о системе мировоззрения индейцев Анд, автор проигнорировал такой уже устоявшийся термин, как «мифологическое мышление», тем более, что используемый им термин «дологическое мышление» (с. 11) можно сегодня, хотя бы в свете многочисленных работ К.Леви-Стросса на эту тему, признать несколько анахроническим, поскольку он в своих исследованиях прекрасно показал, что мышление всегда логическое, независимо от времени и народа. Оно по-своему логично у индейцев Бразилии не меньше, чем у австралийцев, инков или кого-либо еще.

Разумеется, как всякая пионерская работа, книга не лишена некоторых недостатков (и было бы странно, если бы их не было). Это относится к первой главе, посвященной мировидению кечуа, и тому, какое отражение это мировидение нашло в языке.

Подробный разбор (с. 14—16) сохранившихся инкских мифов не входил в задачу автора. На эту тему есть книга Г.Уртона, в сожалению, весьма посредственно переведенная на русский язык, не говоря уже о других многочисленных работах, посвященных анализу мифологии андского региона, включая книги Ю.Е.Березкина. Однако необходимо все же отметить некоторые неточности, вкравшиеся в изложение мифов. Дело в том, что слово «айар», согласно еще словарю Гонсалеса Ольгина, обычно переводят как «дикое киноа» («перуанский рис» или «съедобная лебеда» в общепринятых переводах на русский), а не «просо». Мифические братья — родоначальники инков — не жили в пещерах, как то написано в тексте, а вышли из одной из них по божественной воле. Наконец, обязательный брак брата с сестрой у правителей инков — явление очень позднее (согласно мнению известной перуанской исследовательнице М.Ростворовски, специально изучавшей эту проблему), и почти никто из них, кстати, просто не успел этим воспользоваться (с. 16).

Слова «josjo» (чаще пишут все-таки «qosqo») как обозначения «центра» в кечуа, увы, нет, это выдумка Гарсиласо де ла Веги и других поздних этимологов колониального времени, они к тому же часто отмечали, что слово это — не кечуанское, так как не поддается переводу. По заключению Р.Серрона-Паломино, слово «коско» — аймарское, и означает «сова» (с. 16). Что касается понятия «центр», то им название города быть просто не могло хотя бы потому, что собственно географическим центром своей империи сами инки признавали совсем другой город, а предсказать, что Куско станет центром империи в то время, когда город еще только формировался и было вообще неизвестно, чем станут впоследствии инки, не смог бы ни один андский Нострадамус.

Относительно имени «Пачакутек»: оно действительно в буквальном переводе означает «конец света» (с. 34, 145), но в научной литературе, при всех разночтениях и разнообразии мнений относительно точного значения этого имени, смысл его передается как «тот, кто начинает новый мировой цикл», «реформатор, переворачивающий мир», «катаклизм» (а с него мировой цикл, согласно местным верованиям, начинался, как предшествовавший им заканчивался) и т.п. Примечательно, что, когда миссионеры переводили на кечуа Священное Писание, слово «пачакути» выступило аналогом понятия «всемирный потоп».

Что касается истории заселения Сьерры, то представленная автором на основе боливийского издания 2005 г. последовательность появления там тех или иных этносов — не более чем гипотеза. То, что уру, например, считают себя древнейшими, вовсе не значит, что они были таковыми. Безусловно лишь, что аймара действительно появились на Альтиплано позже других, и что пукина, вероятно, были создателями цивилизации Тиванаку. Относительно термина «инки» споры идут и поныне, но, вероятно, первоначально это действительно было названием народа, позднее превратившимся в социальный термин.

Что касается «кечуа», то это термин скорее географический: Серрон-Паломино показал, что изначально они говорили на языке аймарской группы (с. 33). «Тауантинсуйо» же вообще не этноним, «страна четырех стран света» — достаточно общее название древних государств со времен древней Месопотамии.

Недостатком книги являются многочисленные опечатки при воспроизведении кечуанских слов согласно латинской графике, но это уже вина не автора, а издательства. Впрочем, все эти небольшие недочеты не влияют на общее положительное восприятие и, надо полагать, легко будут устранены в планируемом втором издании. Книга представляется вполне своевременной, а при устранении упомянутых неточностей могла бы быть рекомендована не только студентам, но и широкому читателю.

При чтении этой книги постоянно вспоминается старое положение о том, что выучить язык нельзя, его можно только учить (кажется, это сказал академик Алексеев). Мысль очень верная.

Жаль только, что в современных условиях «глуполизации» (как антиглобалист я не могу придумать другого определения) у такого богатейшего по своим возможностям языка, как кечуа, впрочем, то же можно было бы сказать об аймара, гуарани, да и о многих-многих других индейских и прочих языках, очень мало шансов (если они вообще есть) занять положение аналогичное тому, которое приобрел, скажем, в Испании, каталанский язык. А ведь утратить язык (а именно это сейчас и происходит на огромных пространствах Южной Америки еще недавно полностью монолингвичных), как верно заметил Р.Серрон-Паломино, — все равно, что потерять душу. И потому хотелось бы надеяться, что начатое профессором О.А.Корниловым ознакомление российского читателя с богатством и своеобразием языка кечуа будет иметь продолжение.

Н.В.ПАКУЦ
(Ychma@rambler.ru)